
Академия Айронвуд
Там, где водятся вороны
Алёна Эвердин
18+

Алёна Эвердин

Академия Айронвуд. Там, где водятся вороны

«Автор»
2026

Эвердин А.

Академия Айронвуд. Там, где водятся вороны / А. Эвердин — «Автор», 2026

Если вы читаете это, значит, меня уже нет в Айронвуде. Или нет вообще.Я приехала сюда за правдой о своём отце. Айронвуд — последнее место, где его видели до ареста. Я думала, что смогу быть незаметной, собрать факты и исчезнуть. Но он заметил меня в первый же вечер. Дэймон Блэквуд. Наследник академии. Человек, который знает всё обо всех. Он вызвал меня в башню — и с этого момента моя жизнь перестала мне принадлежать. Я его тень. Его собственность. Его игра.Он не знает только одного: я не боюсь проиграть.Мне уже нечего терять.Кроме правды. А правда, говорят, стоит жизни.

© Эвердин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воронье гнездо 5
Глава 2. Место под солнцем 10
Глава 3. Чужие грехи 17
Глава 4. Чужая игра 22
Глава 5. Имя, которое нельзя называть 27
Глава 6. Под прицелом 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Алёна Эвердин
Академия Айронвуд.
Там, где водятся вороны

Глава 1. Воронье гнездо

Автобус ушёл, и тишина, накрывшая дорогу, оказалась такой плотной, что Элис на мгновение зажмурилась — просто чтобы проверить, не оглохла ли она за последние шестнадцать часов. Когда она открыла глаза, ничего не изменилось: пустое шоссе, мокрый асфальт, лес по обе стороны. Она осталась одна, и это одиночество было не из тех, про которые пишут в книгах по самопознанию, — никакого просветления, никакого единения с природой, только промозглый ветер и ощущение, что где-то в небесах над ней только что захлопнулась крышка гроба. Элис поёжилась, перехватила рюкзак поудобнее и зашагала вдоль обочины, туда, где в серой пелене угадывались очертания ворот.

Лес здесь был не похож на те леса, которые она помнила с детства. Там деревья хотя бы притворялись живыми: шумели, дышали, роняли листву под ноги, и воздух пах прелью и грибами — в общем, вёл себя прилично. Здесь деревья откровенно игнорировали все законы ботаники. Они стояли плотным строем — высокие, с голыми чёрными ветвями, искривлёнными так, словно каждое из них когда-то пыталось вырваться из земли и застыло на полпути, передумав. Айронвуды. Железные деревья. В буклете академии, который Элис изучила вдоль и поперёк перед отъездом, о них говорилось с почтительным придыханием: «уникальный реликтовый вид, не подверженный гниению и горению». В реальности это означало, что лес вокруг Айронвуда не жил и не умирал — он просто существовал, как существует старая мебель на заброшенном чердаке: без цели, без смысла, без надежды когда-нибудь снова пригодиться. Элис поймала себя на мысли, что идёт быстрее, чем нужно, почти бежит, хотя вокруг не было ни души и бояться было решительно некого. Она заставила себя замедлиться и даже остановилась на минуту, чтобы разглядеть ближайшее дерево. Кора напоминала окаменевшую кожу — бугристую, покрытую глубокими трещинами, тёмную до синевы. Интересно, сколько им лет? Сотня? Две? Может быть, они стояли здесь ещё до того, как первые камни легли в фундамент академии. Может быть, они помнили тех, кто был здесь до неё, — и, судя по их молчанию, ничего хорошего рассказать не могли.

Ворота возникли из тумана внезапно — высокие, кованые, с гербом, на котором переплетались ветви железного дерева и шипы терновника. Элис надавила на калитку, и та поддалась с неожиданной лёгкостью, будто её только что смазали и натерли до блеска специально к её приезду. Будка охранника пустовала, и только красный огонёк камеры проводил её молчаливым взглядом. Никто не вышел, не спросил документов, не поинтересовался, зачем она здесь и что забыла. Это было странно и немного тревожно — как если бы дом, в который ты вошёл, оказался необитаем, хотя в окнах горел свет.

Территория открылась разом, без перехода: мощёный двор, главный корпус из тёмного камня с высокими стрельчатыми окнами, башня, увитая плющом, и на шпиле — ворон. Он сидел неподвижно, вцепившись когтями в камень, и смотрел прямо на неё. Элис замерла. Птица склонила голову набок — точь-в-точь как официант, который ждёт, когда ты наконец

определишься с заказом, — и вдруг сорвалась вниз, спланировала над самым двором, едва не задев крылом макушку Элис, и ушла куда-то за деревья. Элис проводила её взглядом и только потом поняла, что всё это время не дышала.

— Нравятся вороны? — раздался голос за спиной.

Элис резко обернулась. Перед ней стояла девушка примерно её возраста — рыжая, взлохмаченная, в растянутом свитере, который был ей явно велик на пару размеров. В руках она держала пустой поднос — видимо, только что сдала посуду и вышла на воздух. Вид у неё был такой, будто она только что выиграла спор с судьбой и теперь ждала, когда та выплатит выигрыш.

— Я их боюсь, если честно, — ответила Элис и тут же пожалела о сказанном. Не стоило начинать знакомство с признания в страхе перед птицами — это как-то сразу задавало не тот тон.

— Зря, — хмыкнула девушка. — Они здесь вместо охранников. Если видишь ворона — всё в порядке. Если не видишь — тоже в порядке, просто он сидит у тебя за спиной.

Она сунула поднос под мышку и протянула свободную руку.

— Айви. Монро. Можно просто Айви. Можно просто Монро. Можно никак, если ты не любишь новые знакомства. Но я бы советовала Айви — так короче.

— Элис. Миллз.

— Новенькая?

— Новенькая.

— Оно и видно, — Айви улыбнулась, но без ехидства. — У тебя лицо человека, который надеялся увидеть Хогвартс, а ему показали тюрьму строгого режима. Давай-ка я тебя провожу до Гнезда, пока ты не сбежала обратно.

— До Гнезда?

— Общежитие для первокурсников. Его тут все так называют. Не спрашивай почему — легенд много, и все врут, а я устала врать ещё в прошлом семестре.

Они пошли через двор, и Айви заговорила — быстро, перескакивая с темы на тему, и в её болтовне было что-то успокаивающее, как в шуме дождя за окном, когда никуда не нужно идти. Она рассказала, что живёт при академии почти всю жизнь, потому что её отец — смотритель.

— Это значит, что он знает, где что течёт, где что сломалось и какой ключ открывает какую дверь. А я знаю то, чего не знает даже он. Например, где прячутся студенты, когда прогуливают пары. Или у кого до сих пор хранятся ключи от библиотечного архива, пропавшие два года назад. Нет, я не скажу, не смотри так.

Она рассказала, что восточное крыло главного корпуса закрыто уже второй год.

— Официальная версия — аварийное состояние перекрытий, — сообщила Айви тоном, каким обычно зачитывают неубедительные оправдания. — Но ты задай себе вопрос: если перекрытия вот-вот рухнут, почему не эвакуировали весь корпус? Почему студенты до сих пор ходят на лекции в двух шагах от аварийной зоны, и никого это не волнует? Почему за два года там не начали ремонт? Серьёзно, два года — за это время можно было построить новое крыло, а не то что перекрытия починить. Но нет. Двери опечатаны, свет не горит, и никто туда не заходит. Даже охрана. Даже мой отец, а он, поверь, заходит везде. Я спрашивала его однажды — он сказал: «Не лезь». И посмотрел так, что я решила не лезть.

Потом она рассказала, что столовая работает до восьми и что опоздание на ужин — это не просто голод, а экзистенциальная катастрофа, потому что торговый автомат в спортивном корпусе принимает только мятые купюры и выдаёт шоколадки, которые, по её подсчётам, застали ещё предыдущего ректора.

— И ещё кое-что, — добавила она, когда они подошли к Гнезду. — У нас тут есть местная достопримечательность. Живая. Зовут Дэймон Блэквуд. Слышала?

— Нет, — сказала Элис, и на этот раз это была почти правда.

Фамилию Блэквуд она видела однажды в отцовских бумагах — мельком, без контекста, — но этого было достаточно, чтобы где-то под рёбрами что-то сжалось. Она постаралась, чтобы голос не дрогнул, и, кажется, получилось.

— Ну так вот, — Айви понизила голос и оглянулась по сторонам. — Блэквуд — это не человек, а явление природы. Как ураган, только в пальто. Его семья владеет Айронвудом примерно с тех пор, как вымерли динозавры. Он здесь главный. Не декан, не ректор — те существуют где-то в параллельной вселенной и занимаются расписанием, — а именно Блэквуд. Если он на кого-то косо посмотрит — всё, с этим человеком перестают здороваться, его не зовут на вечеринки, с ним не садятся за один стол. А если он кому-то улыбнётся... ну, такого я ещё не видела. Может, это просто легенда.

— Звучит как страшилка для младших классов, — заметила Элис.

— Я тоже так думала, — Айви вдруг стала серьёзной. — А потом один парень пропал. Он поспорил с Блэквудом — не знаю, о чём именно, — и сказал, что плевать хотел на его правила. Нарушил комендантский час, ушёл за ворота после отбоя, всем рассказывал, какой он смелый. Через три дня его комната была пуста, документы аннулированы, имя вычеркнуто из всех списков. Как будто его никогда не существовало. Никто не знает, что с ним стало. С тех пор комендантский час не нарушает никто.

Она замолчала, и Элис почувствовала, как холод возвращается — на этот раз изнутри. Не страх. Скорее предчувствие — глухое, тёмное, как вода в колодце, куда лучше не заглядывать.

Они вошли в Гнездо. Внутри пахло старым деревом и хлоркой — запах, который преследовал Элис во всех казённых учреждениях с детства, от больниц до приютов, и она научилась его не замечать, как не замечают шум холодильника. За стойкой сидела женщина с усталым лицом, которая, сверив документы, выдала Элис ключ и сказала:

— Сто семнадцатая, второй этаж, налево. Ключ не теряйте, дубликатов нет, а за взлом замка штраф — в три раза больше, чем стоит сам замок.

Комната оказалась маленькой, но уютной: кровать с серым покрывалом, стол у окна, стул, шкаф и, что самое приятное, вид не на стену соседнего корпуса, а на лес. Элис бросила рюкзак на кровать, села рядом и наконец выдохнула. В тёмном окне, как в мутном зеркале, отражался её силуэт, и она невольно задержала на нём взгляд. Из отражения смотрела девушка с длинными тёмными волосами, которые после целого дня в дороге уже не лежали аккуратной волной, а рассыпались по плечам неровными прядями, и с бледным, чуть осунувшимся лицом. Глаза у неё были серые, с тёмной каймой по краю радужки — из-за этой каймы взгляд всегда казался настороженным, даже когда она не была настороже. Скулы — узкие, подбородок — острый, а линия губ — та, про которую мать однажды сказала «обиженная», и Элис потом полночи вертелась перед зеркалом, пытаясь понять, что это вообще значит. Она не была красавицей в том смысле, в каком это слово обычно применяют к моделям или актрисам. Скорее — той породы неброской, строгой привлекательности, которая раскрывается не сразу, а в определённом свете или настроении. Сейчас, впрочем, свет был тусклым, а настроение — хуже некуда, и отражение казалось ей чужим: слишком взрослым, слишком уставшим и слишком одиноким для девушки, которой только исполнилось девятнадцать.

Она заставила себя встать, разобрать вещи, разложить книги на столе, повесить куртку в шкаф. Машинальные действия успокаивали — она читала об этом где-то, кажется, в статье о том, как справляться с тревогой. «Сосредоточьтесь на простых физических задачах». Что ж, спасибо, статья, ты отработала свой гонорар.

Из рюкзака она достала книгу — старый томик Блейка, «Песни невинности и опыта», в потрёпанной обложке, с отцовскими пометками на полях. Он подарил ей эту книгу за неделю до ареста, и с тех пор она возила её с собой повсюду, как талисман, как последнее звено, соединяющее её с тем человеком, которым он был до суда. Она открыла книгу, вдохнула запах старой бумаги — он всё ещё хранил что-то отцовское, какую-то тень его присутствия, — и положила на тумбочку у кровати.

Вечерний свет за окном угасал, и лес постепенно превращался в чёрную стену, на которой уже нельзя было различить отдельных деревьев. Вороны всё кричали — их голоса доносились со всех сторон, резкие, скрипучие, и в этих криках Элис слышала что-то похожее на предупреждение. Или на насмешку. У воронов, как она успела заметить, было своеобразное чувство юмора.

Она задёрнула штору и села за стол, пытаясь собраться с мыслями.

Отец был здесь. Она знала это почти наверняка — из обрывочных записей в его ежедневнике, из случайных фраз по телефону, из названия «Айронвуд», которое он упомянул однажды и больше никогда не повторял. Она приехала сюда не за дипломом. Она приехала, потому что верила: где-то в этих стенах есть ответ — тот самый, который не нашли ни адвокаты, ни журналисты, ни полиция. Ответ, который стоил её отцу свободы, а ей — прежней жизни. И она собиралась его найти, даже если для этого придётся притворяться прилежной студенткой до самого выпуска.

В дверь постучали. Элис вздрогнула и посмотрела на часы: половина десятого. Поздновато для визитов вежливости. Она подошла, открыла — на пороге стоял парень в форме персонала. У него было лицо человека, который так давно работает в сфере обслуживания, что уже не различает клиентов по полу, возрасту и видовой принадлежности.

— Элис Миллз? — спросил он тоном, не предполагающим отрицательного ответа.

— Да.

— Просили передать.

Он протянул конверт, развернулся и ушёл прежде, чем она успела открыть рот.

Элис закрыла дверь и посмотрела на конверт. Плотная серая бумага, герб с железным деревом и терновником, её имя, выведенное каллиграфическим почерком — «Элис Миллз». Внутри лежал лист, на котором тем же почерком было написано три строки:

«Вы меня заинтересовали. Завтра в семь вечера. Воронья башня. — Д. Б.»

Она перечитала записку дважды, потом в третий раз. Руки не дрожали — она вообще перестала что-либо чувствовать, словно кто-то повернул рубильник и отключил все эмоции разом. Остался только холодный, ясный вопрос: что ему нужно? И следом за ним — второй, не менее неприятный: что она ему скажет?

Ответов не было ни на один, ни на второй.

Спать она легла далеко за полночь, и вороны за окном кричали до самого рассвета — должно быть, им тоже не спалось.

Глава 2. Место под солнцем

Будильник прозвенел в половине седьмого, и Элис, не открывая глаз, нашарила его на тумбочке. Спала она часа три, не больше, — всю ночь ворочалась, проваливалась в тяжёлую дрёму и снова выныривала обратно, — поэтому пробуждение больше напоминало выход из затяжной болезни, чем начало нового дня. За окном всё ещё было темно — октябрьское утро не торопилось вступать в свои права, — и только редкие крики воронов напоминали

о том, что мир за стенами общежития никуда не делся. Она села на кровати, потянулась, чувствуя, как ноет спина после сна на незнакомом матрасе, и первым делом посмотрела на конверт, который вчера оставила на столе. Он лежал там же, где она его бросила, — плотный серый прямоугольник с гербом, — и при дневном свете выглядел ещё более чужим, чем накануне. Элис отвела взгляд и заставила себя встать.

Первое утро в Айронвуде началось с едва тёплого душа. Элис долго стояла под тонкими струями — крошечная кабинка примыкала к комнате, — и пыталась проснуться, пока вода барабанила по плечам. Удобства здесь были простенькими, но своими: ни очередей, ни чужих полотенец на полу, ни необходимости пробираться по коридору в халате. За это можно было простить и слабый напор, и то, что вода нагревалась минуты три, не меньше, а потом так же стремительно остывала, словно бойлер решал, что с неё хватит. Она вытерлась, переоделась в джинсы и свитер, причесалась перед маленьким зеркалом на внутренней стороне шкафа и уже собиралась выходить, когда в дверь постучали — быстро, нетерпеливо, три удара подряд, словно тот, кто стоял с другой стороны, не привык ждать.

Она открыла. На пороге стояла Айви с подносом в руках, в том же растянутом свитере, что и вчера, и с выражением лица человека, который принёс кофе и считает это достаточным поводом для благодарности.

— Держи, — сказала она, протягивая одну из чашек. — Кофе здесь отвратительный, так что я добавила сахара в два раза больше, чем нужно. Будешь должна.

Элис взяла чашку, сделала глоток и едва не поперхнулась — кофе действительно был отвратительным, но после бессонной ночи даже такая жижа казалась подарком.

— Спасибо, — сказала она. — А ты всегда так рано встаёшь?

— Никогда, — Айви зевнула. — Но отец попросил помочь с утренним обходом, а когда смотритель просит помочь, это значит, что кто-то из студентов опять что-то сломал и нужно найти виноватого. Вчера кто-то выбил окно в спортивном корпусе, и теперь отец ходит злой, как собака, которую разбудили во время спячки.

— И кто это сделал?

— Понятия не имею. Но если узнаю — не скажу, потому что этот человек явно действовал из благих побуждений. Окно в спортивном корпусе всё равно было уродливое.

Они сели на кровать — больше сидеть было негде, — и в тишине допили кофе, заедая тостами.

Сразу после завтрака они спустились на первый этаж, вышли на улицу и направились к хозяйственному корпусу — неприметному зданию между спортивным корпусом и прачечной. Утро было серым и промозглым, туман ещё не рассеялся, и деревья-айронвуды проступали из него, как кости из разрытой земли. Вороны сидели на карнизах, провожали студенток взглядами и перекрикивались между собой — резко, отрывисто, словно обменивались замечаниями по поводу проходящих мимо.

— Они всегда так орут? — спросила Элис.

— Нет, — ответила Айви. — Иногда они орут громче. Особенно когда поблизости кто-то умирает.

— В каком смысле?

— В прямом. Вороны чувствуют смерть. Старая легенда, но здесь в неё верят. Говорят, когда в последний раз пропал студент, вороны орали так, что закладывало уши. А потом — тишина. Целый день тишины. Как будто они уже всё знали и замолчали из уважения.

Элис поёжилась, но не от холода. Вчерашний рассказ о пропавшем парне всё ещё сидел у неё в голове, и каждая новая деталь только добавляла ему веса.

У входа в хозяйственный корпус Айви остановилась.

— Дальше сама, — сказала она. — Тебе на первый этаж, к завхозу, а мне в подвал — помогать отцу с инвентаризацией. Кто-то напутал с накладными, и теперь он пересчитывает постельное бельё. Веселья — ноль, ответственности — вагон. Если что — я в столовой в час. Не опаздывай на обед, там сегодня, кажется, дают что-то съедобное.

— Кажется?

— Ну, я не уверена. Но выглядит лучше, чем обычно.

Айви скрылась за дверью, ведущей в подвал, а Элис вошла в вестибюль.

Внутри пахло крахмалом и новым сукном. Вдоль стен тянулись стеллажи с коробками, а за длинным столом сидела женщина с сантиметровой лентой на шее и списком в руках. Перед столом уже собралась небольшая толпа первокурсников — человек десять, не меньше, — и все они ждали своей очереди, переминаясь с ноги на ногу.

Элис встала в конец очереди и принялась наблюдать. Процедура была отлаженной, но небыстрой: каждого студента измеряли, сверяли с базой, затем выдавали комплект — пиджак, юбку или брюки, две рубашки, галстук с гербом Айронвуда и значок. Пиджак был тёмно-синим, почти чёрным, с серебряной вышивкой на нагрудном кармане — то самое железное дерево, оплетённое терновником. Элис дождалась своей очереди, прошла измерения и получила стандартный коричневый пакет.

Она вернулась в Гнездо, переоделась, поправила пиджак перед зеркалом и осталась довольна: в форме она выглядела строже, взрослее и — странное чувство — немного более защищённой, словно тёмно-синяя ткань могла уберечь её от косых взглядов. Плечи оказались чуть великоваты, но Элис решила, что это не та проблема, из-за которой стоит переживать в первый учебный день.

Из Гнезда она направилась в главный корпус, в библиотеку — нужно было получить учебники по списку, который она скачала ещё дома. Библиотека Айронвуда занимала два этажа в западном крыле и напоминала скорее музей, чем студенческую читальню: высокие стеллажи из тёмного дерева, галерея второго яруса, стрельчатые окна, выходящие на лес, и запах старой бумаги, от которого у Элис защемило сердце — так пахло в отцовском кабинете. За стойкой выдачи сидела пожилая дама в очках на цепочке, и перед ней уже выстроилась небольшая очередь из студентов. Элис встала в конец и принялась ждать.

Впереди стояли три человека, и двигалась очередь медленно — библиотекарь сверяла каждый формуляр с какой-то бесконечной базой данных, поправляла очки и вздыхала так, словно каждый выданный учебник отрывали у неё от сердца. Элис рассеянно разглядывала корешки книг на ближайшем стеллаже, когда боковым зрением заметила движение. Высокая блондинка с идеально ровной чёлкой прошла мимо очереди, даже не взглянув на ожидающих, подошла к стойке с другой стороны — туда, куда обычным студентам хода не было, — и положила перед библиотекарем свой формуляр.

— Мисс Стоун, — произнесла библиотекарь без всякого удивления, — ваш заказ готов, я отложила его ещё утром.

— Благодарю, — ответила блондинка и, забирая стопку книг, бросила короткий взгляд на Элис. В этом взгляде читалось всё сразу: и демонстрация привилегий, и предупреждение, и что-то ещё — возможно, просто скука человека, которому нужно на ком-то выместить плохое настроение.

Элис выдержала взгляд и отвернулась первой. Она не собиралась ввязываться в войну в первый же день. Но имя запомнила: Мара Стоун.

С учебниками в рюкзаке она вышла из библиотеки и поднялась на второй этаж. Первой парой значилась современная литература, и Элис, сверившись с расписанием, нашла нужную аудиторию.

Аудитория оказалась просторной, с высокими окнами и рядами деревянных столов, расположенных амфитеатром. Студентов было уже много — человек тридцать, — и почти все места в верхних рядах оказались заняты. Элис пробежала глазами по лицам, не задерживаясь ни на ком, и села за свободный стол в третьем ряду, ближе к окну. Она достала тетрадь, ручку и приготовилась слушать.

Профессор Хейз вошла ровно в восемь — без опоздания, без суеты, без приветствия. Это была женщина лет пятидесяти с лишним, с резкими чертами лица, коротко стриженными седыми волосами и взглядом, который, казалось, мог просветить студента насквозь и сразу определить, готовился тот к занятию или нет. Она положила на кафедру папку с бумагами, обвела аудиторию долгим взглядом и заговорила — негромко, но так, что каждое слово долетало до самого дальнего ряда.

— Меня зовут Лилиан Хейз, я веду курс современной литературы. Предупреждаю сразу: я не ставлю оценок просто так. Я не жалею тех, кто не успел прочитать материал. Я не терплю опозданий, пустых отговорок и телефонов на столе. Если вы пришли сюда за красивым дипломом — вы ошиблись дверью. Если вы пришли учиться — добро пожаловать.

Элис почувствовала, как по спине пробежал холодок. Профессор Хейз была из тех преподавателей, которых боятся и уважают одновременно, и Элис ещё не решила, какое из этих чувств возобладает у неё самой.

Лекция началась. Хейз говорила о модернизме, о распаде формы, о том, как литература начала двадцатого века отражала трещину, прошедшую по всему миру после Первой мировой. Она цитировала Элиота и Паунда, не заглядывая в записи, и её голос звучал ровно, как метроном, но в этой ровности чувствовалась скрытая страсть — страсть человека, который посвятил своему предмету всю жизнь и не собирается жалеть об этом. Элис слушала, забыв о тетради, и поймала себя на мысли, что впервые за долгое время испытывает что-то похожее на интерес. Не на страх, не на тревогу, не на желание спрятаться — а именно интерес, чистый и острый, как глоток холодной воды.

После лекции студенты потянулись к выходу, и Элис уже собиралась последовать за ними, когда профессор Хейз остановила её.

— Мисс Миллз, задержитесь на минуту.

Элис замерла. Она не ожидала, что профессор захочет поговорить с ней после лекции, и первая мысль была о том, что она сделала что-то не так.

— Да, профессор?

Хейз дождалась, пока аудитория опустеет, и подошла ближе. Вблизи её лицо казалось ещё более резким, но в глазах читалось не раздражение, а скорее профессиональное любопытство.

— Вы слушали, — сказала она. — Не записывали, не отвлекались, не смотрели в телефон. Просто слушали. В этом семестре я вижу такое впервые. У вас есть литературная подготовка?

Элис замялась. Отец был филологом — он читал ей Блейка и Йейтса с шести лет, и она знала о поэзии больше, чем многие студенты старших курсов. Но говорить об этом сейчас значило бы подойти слишком близко к правде.

— Мой отец любил литературу, — сказала она осторожно. — У нас дома было много книг.

Хейз кивнула, словно подтверждая какую-то свою догадку.

— Что ж, мисс Миллз, приятно видеть студентку, которая умеет слушать. Не теряйте этого навыка — здесь он редкость.

Она развернулась и вышла, оставив Элис одну в пустой аудитории.

Следующей парой была история искусств, и проходила она в аудитории на первом этаже, неподалёку от коридора, ведущего к восточному крылу. Элис шла по холлу, когда её внимание привлекла массивная дверь с опечатанной табличкой: «Вход запрещён. Аварийное состояние». Дверь была старой, дубовой, с потускневшей латунной ручкой, и выглядела так, будто её не открывали не два года, а все двадцать. Элис замедлила шаг, разглядывая печать, и вдруг заметила странную деталь: петли были смазаны. Свежее масло блестело в тусклом свете коридорных ламп, и это означало только одно — кто-то открывал эту дверь. Причём недавно.

— Заблудилась? — раздался голос у неё за спиной.

Элис вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял парень — высокий, светловолосый, с открытым, располагающим лицом и лёгкой, почти незаметной улыбкой. Одет он был не в студенческую форму, а в дорогой тёмно-синий свитер и брюки, которые сидели на нём так, словно были сшиты на заказ.

— Нет, — ответила Элис, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто проходила мимо.

— Мимо восточного крыла? — парень приподнял бровь. — Интересный маршрут. Обычно сюда никто не заходит без причины.

— Я новенькая. Осматриваюсь.

— А, — он улыбнулся шире. — Новенькая. Теперь понятно. Ты ещё не знаешь местных легенд.

— Уже знаю, — сказала Элис. — Крыло закрыто, перекрытия аварийные, внутрь заходить нельзя. Я просто смотрела на дверь.

— На дверь, — повторил он, и в его голосе промелькнуло что-то похожее на интерес. — Что ж, дверь действительно красивая. Но я бы на твоём месте не задерживался здесь. Говорят, от этого крыла у людей начинает болеть голова.

— От аварийных перекрытий?

— От чего-то другого.

Он развернулся и пошёл по коридору, не прощаясь, и Элис проводила его взглядом, пытаясь понять, что это было. Дружелюбное предостережение? Завуалированная угроза? Или просто желание пофлиртовать? Ни один из вариантов не казался правильным до конца.

На истории искусств она села в дальний угол, надеясь остаться незамеченной. Лекцию читал сухонький профессор с фамилией, которую Элис не запомнила, и говорил он о византийских мозаиках с таким монотонным упоением, что к середине пары половина аудитории клевала носом. Элис честно пыталась записывать, но мысли то и дело возвращались к двери восточного крыла, к смазанным петлям, к парню в синем свитере и к тому, что вечером ей предстояло подняться в Воронью башню.

К обеду она добралась до столовой с опозданием на десять минут, но Айви уже заняла столик у окна и махала ей рукой, подзывая. Элис взяла поднос, набрала еды — сегодня действительно давали что-то съедобное, нечто среднее между пастой и овощным рагу, — и села напротив.

— Ну как первый день? — спросила Айви, пододвигая к ней стакан с соком.

— Странно, — ответила Элис. — Профессор Хейз меня похвалила. В библиотеке какая-то блондинка прошла без очереди и посмотрела на меня как на грязь. И ещё парень в коридоре сказал, чтобы я не задерживалась у восточного крыла.

— Парень? — Айви отложила вилку. — Как он выглядел?

— Высокий, светловолосый, в синем свитере. Дорогой такой свитер. Улыбался всё время.

— Артур, — сказала Айви, и её лицо изменилось — стало напряжённым, почти встревоженным. — Артур Уоррингтон. Запомни это имя.

— Почему?

— Потому что Уоррингтоны — единственная семья, которая может конкурировать с Блэквудами. Артур — не глава семьи, но он здесь, и это неспроста. Если он обратил на тебя внимание — будь осторожна. Он не злой, но он... как бы сказать... всегда преследует свою цель. И эта цель никогда не совпадает с твоей.

Элис вспомнила, как Артур улыбнулся ей в коридоре, и эта улыбка теперь казалась ей не доброй, а расчётливой, как у шахматиста, который только что сделал первый ход и ждёт ответа.

— А блондинка? — спросила Элис. — Мара Стоун?

— Мара, — Айви хмыкнула. — Мара — это отдельная песня. Её семья владеет половиной благотворительных фондов на восточном побережье. В Айронвуде она с прошлого года, учится на втором курсе, но ведёт себя так, будто основала это место. Не вступай с ней в открытый конфликт — она не опасна сама по себе, но у неё есть связи. А связи в Айронвуде — это оружие.

Элис кивнула, запоминая. Мара — второкурсница, элита, связи. Артур — конкурент Блэквудов, обаятельный и опасный. Дэймон — неизвестная величина, к которой ей предстояло подняться через несколько часов.

Остаток дня прошёл без происшествий: ещё одна лекция, короткий визит в спортивный корпус, где Элис заполнила анкету на посещение бассейна, и возвращение в Гнездо. К вечеру она сидела на кровати, листала учебник по современной литературе и пыталась не смотреть на часы.

Воронья башня. Семь вечера. Сегодня.

Она закрыла учебник, поправила пиджак, собрала волосы в хвост и вышла из комнаты.

Воронья башня возвышалась над главным корпусом, как страж, который никогда не спит. В сумерках она казалась ещё выше, ещё мрачнее, и единственное освещённое окно на верхнем этаже горело жёлтым светом — как глаз, который смотрит на тебя, не мигая. Элис подошла к подножию и увидела тяжёлую дубовую дверь с коваными петлями и ещё одним гербом — тем же, что на конверте: железное дерево и терновник. Она толкнула дверь, и та подалась, открывая винтовую лестницу, уходящую вверх, в полумрак.

Ступени были каменными, стёртыми посередине от тысяч шагов, сделанных за два века. Элис поднималась медленно, считая пролёты и ведя рукой по деревянным перилам — старым, тёмным, отполированным чужими ладонями. Примерно на середине подъёма пальцы наткнулись на что-то неровное. Она остановилась и наклонилась, чтобы разглядеть. В дереве темнела одна глубокая царапина — длинная, с рваными краями, словно кто-то провёл по перилам чем-то острым и нажал слишком сильно. Дерево внутри царапины уже потемнело от времени, но края ещё не сгладились окончательно — этому следу было, может быть, несколько лет. Элис провела по нему пальцем и пошла дальше, рассеянно подумав, что в такой старой башне наверняка полно отметин, оставленных самыми разными людьми за два века.

Наверху её ждала ещё одна дверь — уже не дубовая, а обитая тёмной кожей, с латунной табличкой: «Д. Блэквуд».

Она постучала.

— Войдите, — произнёс голос изнутри.

Элис повернула ручку и переступила порог.

Глава 3. Чужие грехи

Дверь открылась без скрипа — мягко, почти беззвучно, словно петли смазывали каждый день. Элис переступила порог и оказалась в просторном кабинете, который занимал весь верхний этаж Вороньей башни. Первое, что бросилось в глаза, — окна. Их было три, высоких, от пола до потолка, и все они выходили в разные стороны: одно на лес, другое на внутренний двор, третье на Туманный тракт, по которому она приехала два дня назад. В дневное время здесь, наверное, было светло — даже слишком, — но сейчас, в вечерних сумерках, кабинет освещался только настольной лампой и огнём в камине, который горел в дальнем углу, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Дэймон Блэквуд стоял у центрального окна, спиной к двери, и не обернулся, когда она вошла. Он был выше, чем ей показалось в столовой, — или, может быть, дело было в том, что теперь она видела его не со стороны, а на расстоянии вытянутой руки. Плечи, обтянутые тёмной тканью пиджака, прямая спина, руки, сцепленные за спиной, — вся его поза говорила о том, что он здесь хозяин, и это не требовало дополнительных подтверждений.

— Вы опоздали на две минуты, мисс Миллз, — произнёс он, не оборачиваясь.

Элис вздрогнула. Она не ожидала, что он следит за временем с такой точностью.

— Я поднималась по лестнице, — ответила она. — Она длиннее, чем кажется.

— В следующий раз выходите раньше.

Он повернулся, и теперь она увидела его лицо вблизи — то, что в столовой было лишь профилем в толпе, здесь, в полумраке кабинета, оказалось подробным и резким, как гравюра. Тёмные волосы падали на лоб, глаза — светло-серые, почти прозрачные — смотрели прямо и не мигая, а губы были сжаты плотно, но без напряжения — как у человека, который давно отучил себя от лишних слов. Ей вдруг пришло в голову, что он похож на одного из тех айронвудов, что росли вдоль Туманного тракта, — такой же прямой, такой же молчаливый и, вероятно, такой же неспособный гнуться.

— Садитесь, — сказал он и указал на стул перед столом.

Она села. Стул был жёстким, с прямой спинкой — не для комфорта, а для дисциплины. Дэймон остался стоять, и это создало неприятную асимметрию: он возвышался над ней, как преподаватель над нерадивой студенткой, и не думал садиться.

— Вы знаете, почему вы здесь? — спросил он.

— Потому что вы меня пригласили.

— Я никого не приглашаю, мисс Миллз. Я вызываю.

Она отметила про себя это «мисс Миллз» — он произносил его сухо, как секретарь в приёмной, без тени эмоций. Словно её имя было просто строкой в его списке дел на сегодня.

— Хорошо, — сказала она. — Почему вы меня вызвали?

Вместо ответа он взял со стола папку — тонкую, серую, без опознавательных знаков — и протянул ей. Элис открыла её и почувствовала, как внутри всё холодеет. В папке лежало её досье: копия свидетельства о рождении, фотографии отца, вырезки из газет, которым было несколько лет. Она подняла глаза на Дэймона. Он смотрел на неё с тем же выражением, с каким, вероятно, смотрел бы на жука, ползущего по подоконнику, — без злости, без интереса, просто фиксируя факт её существования.

— Это вы, — сказал он. — Дочь Томаса Харта. Скрываетесь под фамилией матери. Поступили в Айронвуд по документам, которые вам помог оформить бывший коллега вашего отца. Живёте в Гнезде, стараетесь не привлекать внимания и, судя по всему, ищете информацию о том, что ваш отец делал здесь за год до ареста.

Она молчала. Всё, что он сказал, было правдой, и опровергать эту правду не имело смысла.

— Не буду спрашивать, откуда у вас это, — произнесла она наконец. — Вы Блэквуд. У вас есть доступ ко всему.

— Ко всему, что происходит в Айронвуде, — поправил он. — И ко всему, что происходило здесь за последние двести лет. Мой прапрадед основал эту академию. Мой прадед построил эту башню. Мой дед заложил архив. Мой отец управляет попечительским советом. А я — я слежу за тем, чтобы никто не нарушал правил.

— И какие правила нарушила я?

— Вы лжёте о своей личности. По уставу Айронвуда это достаточное основание для немедленного отчисления. — Он закрыл папку и отложил её в сторону. — Но я не собираюсь вас отчислять.

Элис ждала. Она чувствовала, что сейчас последует «но», и оно последовало.

— Вы будете на меня работать, — сказал Дэймон.

— В каком смысле?

— В прямом. В Айронвуде есть студент по имени Артур Уоррингтон. Вы наверняка его уже видели — высокий, светловолосый, всегда улыбается. С этого дня вы будете с ним общаться. Войдёте в доверие. Узнаете, чем занимается его семья и какие у них планы относительно Блэквудов.

— То есть вы хотите, чтобы я шпионила?

— Я хочу, чтобы вы собирали информацию. — Он произнёс это так, будто разница между «шпионить» и «собирать информацию» была очевидна и принципиальна.

— А если я откажусь?

— Тогда завтра утром администрация получит уведомление о том, что вы предоставили ложные сведения при поступлении. Вас отчислят в течение суток. Документы аннулируют. И вы окажетесь за воротами Айронвуда без денег, без образования и без надежды когда-либо узнать, что здесь делал ваш отец.

Он говорил спокойно, даже буднично, как будто описывал погоду или расписание поездов. Именно это спокойствие пугало больше всего. Элис поняла, что он не блефует. Такой человек не блефует — ему это просто не нужно.

— А что я получу взамен? — спросила она.

— Вы останетесь в Айронвуде. Это первое. Второе — ваша мать.

Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, быстро и глухо. Он произнёс это слово — «мать» — так же спокойно, как всё остальное, и Элис почувствовала, как внутри неё поднимается волна — не надежды, а гнева, смешанного с болью. Мама умерла два года назад. Ей показали урну с прахом — закрытую, опечатанную, — и вручили свидетельство о смерти. Ей не дали попрощаться, не дали даже прикоснуться к тому, что осталось. Просто вручили бумагу и сказали, что всё кончено. А теперь этот человек стоит напротив и бросает слово «мать», как монету на стол, — просто чтобы посмотреть, как она отреагирует.

Она заставила себя не отвести взгляд. Внутри у неё всё дрожало, но лицо осталось спокойным — она надеялась на это, во всяком случае.

— Мне нечего обсуждать с вами на эту тему, — сказала она ровно.

— Вам — возможно, — ответил он. — А мне есть что сказать. Но не сегодня.

Она смотрела на него и пыталась понять, что за игру он ведёт. У него было досье на неё — значит, он знал о смерти матери. И всё равно упомянул её. Зачем? Чтобы сделать больно? Чтобы проверить реакцию? Чтобы зацепить и держать на крючке? Последнее казалось самым вероятным. Он манипулятор — хладнокровный, расчётливый, — и он только что нашёл её ахиллесову пяту. Но она не доставит ему удовольствия. Не покажет, как сильно ей хочется вцепиться в край стола и закричать.

— Хорошо, — сказала она. — Не сегодня — значит, не сегодня.

Он едва заметно сузил глаза — то ли удовлетворённый её ответом, то ли, наоборот, раздражённый тем, что она не сорвалась. Элис не стала разбираться. Она просто ждала, пока он продолжит.

На подоконнике что-то шевельнулось. Жук — маленький, чёрный, медленно ползущий по деревянной поверхности. Дэймон заметил его. Не прерывая разговора, он протянул руку и придавил жука пальцем — одним точным, ленивым движением, как человек, который делает это не в первый раз и не в последний. Хруст был едва слышен. Он вытер палец о край стола и продолжил:

— Вы будете докладывать мне о каждом разговоре с Артуром. О каждом его слове, каждом жесте, каждом намёке. Взамен — ваша тайна останется тайной. Ваше место в Айронвуде — вашим.

— А мать? — вырвалось у неё прежде, чем она успела себя остановить. Она тут же пожалела об этом — не стоило показывать, что это слово вообще имеет для неё значение.

— А мать, — он сделал едва заметную паузу, — останется темой нашего следующего разговора. Когда вы принесёте что-то ценное.

Она сжала зубы. Всё, как она и думала. Приманка на верёвочке. Он не даст ей ничего, пока она не отработает свой долг. Он даже не сказал, что именно знает, — просто бросил приманку и ждёт, когда она клюнет. Что ж, по крайней мере, теперь она знает правила игры. И она не клюнет. Она сделает вид, что клюнула, — но только потому, что у неё нет другого выхода.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю то, что вы просите.

— Я не прошу, — поправил он. — Я ставлю условия.

Он наконец сел — не напротив, а в кресло у камина, так что теперь их разделяли несколько метров и языки пламени.

— Вы можете идти. Первый доклад — через три дня. Я хочу знать, с кем Артур общается, о чём говорит и что планирует. Не подведите меня.

Элис встала. Ноги были ватными, но она заставила себя идти ровно. У двери она остановилась и, не оборачиваясь, спросила:

— Почему вы выбрали меня? У вас наверняка есть другие люди, которые могут следить за Артуром.

Пауза. Затем его голос — сухой, как шелест осенних листьев:

— Другие люди не дочь Томаса Харта. А вы — да. И это делает вас идеальным инструментом.

— Инструментом? — она всё-таки обернулась.

— Вы хотели услышать «союзницей»? — он даже не улыбнулся. — Союзники мне не нужны. Мне нужны те, кто делает то, что я говорю.

Она вышла. Дверь закрылась за ней — так же мягко и беззвучно, как открылась. Лестница встретила её темнотой и холодом, и она спускалась медленно, держась за перила, чувствуя, как дрожат пальцы. Царапина на дереве снова попалась под руку, и на этот раз она задержалась на ней дольше — провела по углублению, ощутила его шершавость. Интересно, кто здесь был? Кто оставил этот след? Может быть, кто-то такой же, как она, — загнанный в угол, не знающий, как выбраться.

На улице стемнело окончательно. Вороны молчали — то ли спали, то ли просто решили, что сегодня не стоит кричать. Элис пересекла двор, вошла в Гнездо, поднялась на второй этаж и закрылась в комнате. В коридоре было тихо, и эта тишина была кстати.

Она села на кровать, не раздеваясь, и долго смотрела в одну точку на стене. Мысли возвращались к матери. Он сказал «ваша мать» — и замолчал. Элис закрыла глаза. Она не будет думать об этом. Не сейчас.

Она протянула руку к тумбочке и взяла книгу — старый томик Блейка в потрёпанной обложке, с отцовскими пометками на полях. Книга лежала там с первого дня, и Элис не открывала её с момента приезда — боялась, что она вызовет слишком много воспоминаний, — но сейчас ей нужно было что-то, что связывало бы её с домом. С тем домом, который у неё был до всего этого.

Она открыла книгу, и из неё выпала фотография.

Элис подняла её. Снимок был старым, выцветшим по краям, но всё ещё чётким: мужчина и девочка на фоне старого корпуса. Она знала этот корпус — сегодня утром она проходила мимо него. Отец держал её за руку, она смеялась. Ей было шесть. Он был ещё жив. Ещё свободен. Ещё не знал, что через год его арестуют.

Она перевернула фотографию. На обороте — выцветшая надпись его почерком, мелким, аккуратным, каким пишут только те, кто привык к цифрам и точности: «Элис Харт, 6 лет. С папой. Айронвуд, 2009».

Она смотрела на эти слова, пока буквы не начали расплываться перед глазами. Потом закрыла книгу, прижала её к груди и легла, не раздеваясь. За окном кричали вороны. Она слушала их, пока не провалилась в сон.

Глава 4. Чужая игра

Он не спросил разрешения. Он вообще никогда не спрашивал — просто брал то, что считал своим, а считал он своим всё, что попадало в поле его зрения. Элис поняла это в ту самую секунду, когда его ладонь легла ей на затылок, сжала волосы в кулак и потянула назад — не сильно, но достаточно, чтобы она вскрикнула. Вскрик вышел сдавленным, потому что он тут же закрыл ей рот поцелуем — если это можно было назвать поцелуем. Он не целовал. Он брал. Его язык протолкнулся между её губ с той же уверенной, хозяйски-ленивой манерой, с какой он всё делал, и Элис почувствовала, как внутри неё всё сжимается — от страха, от неожиданности, от чего-то ещё, чему она боялась дать имя.

Кожа у него была горячей — она почувствовала это, когда он прижал её к себе. От него пахло деревом, дымом и чем-то ещё, металлическим, как озон перед грозой. Ладонь на её затылке была твёрдой и сухой, пальцы длинные, с выступающими костяшками, и они сжимались ровно на грани боли — так, чтобы она чувствовала его силу, но не могла сказать, что ей по-настоящему больно. Он умел дозировать. Он вообще всё умел дозировать.

— Ты моя, — произнёс он, отстранившись ровно настолько, чтобы его губы всё ещё касались её губ. Голос у него был низкий, с хрипотцей, как будто он только что проснулся или, наоборот, не спал всю ночь. — Ты будешь делать то, что я скажу. Ты будешь чувствовать то, что я разрешу. Ты — моя.

Она не ответила — не потому что не хотела, а потому что не могла. Его вторая рука уже скользнула вниз, к её животу, к бедру, и пальцы сжали её ягодицу с такой силой, что она ахнула. Он рванул её блузку, и пуговицы брызнули в стороны, застучали по полу. Он не утруждал себя тем, чтобы расстёгивать их по одной. Он сдёрнул ткань с плеч, обнажая её грудь, и на секунду остановился, разглядывая её с тем же выражением, с каким разглядывал жука на подоконнике, — оценивающе, холодно, без тени желания. Но желание было — она видела его по тому, как напряглась его челюсть, как дрогнул кадык, когда он сглотнул.

— Хорошая девочка, — сказал он. — А теперь замолчи.

Он развернул её лицом к столу — резко, без предупреждения. Её щека прижалась к холодной деревянной столешнице, и она почувствовала, как его пальцы скользнули по её позвоночнику — от шеи вниз, медленно, почти лениво, задерживаясь на каждом позвонке. Когда они достигли поясницы, он задрал её юбку одним движением и сдёрнул бельё — она услышала треск ткани и поняла, что он просто разорвал его. Его ладонь легла на её ягодицу, погладила, сжала, а потом пальцы скользнули ниже, между ног.

Она ахнула, когда он коснулся её там. Он не был нежен. Он раздвинул её складки двумя пальцами — грубо, по-хозяйски, — и провёл по ним снизу вверх, собирая влагу, которой было больше, чем ей хотелось бы признать. Он хмыкнул — коротко, удовлетворённо, — и один палец скользнул внутрь.

— Ты уже мокрая, — произнёс он, и в его голосе не было ни удивления, ни гордости — только констатация факта. — Хорошо. Значит, тебе понравится.

Он добавил второй палец, растягивая её, двигая ими медленно, размеренно, с каждым движением задевая что-то внутри, от чего у неё подкашивались ноги. Она вцепилась пальцами в край стола и зажмурилась. Ей было стыдно. Ей было страшно. Но бёдра сами подались назад, навстречу его пальцам, и она ненавидела себя за это.

Он убрал пальцы, и она услышала, как расстёгивается его ремень. Звук был металлический, резкий — пряжка звякнула о пол, ткань зашуршала. Он прижался к ней сзади, и она почувствовала его — твёрдый, горячий, больше, чем она ожидала. Головка скользнула по её складкам, раздвигая их, и он вошёл резко, одним движением, заполняя её до самого конца. Она вскрикнула — на этот раз громко, потому что боль смешалась с чем-то, чего она не ожидала, с ощущением наполненности, которое граничило с удовольствием.

Он не остановился. Он двигался размеренно, сильно, каждый толчок отдавался где-то внизу живота и поднимался выше, к позвоночнику, к затылку, к губам, которые она кусала, чтобы не застонать. Но стон всё равно вырвался — низкий, сдавленный, почти звериный. Он накрыл её тело своим, и она чувствовала, как его грудная клетка прижимается к её спине, как его дыхание — ровное, даже не сбившееся — касается её уха. Он не запыхался. Он вообще, казалось, не прилагал усилий.

— Вот так, — прошептал он. — Ты моя. Скажи это.

— Я… — голос сорвался.

— Скажи.

— Я…

Она не успела. Волна накрыла её раньше, чем она смогла произнести хоть слово, — горячая, ослепляющая, выкручивающая всё внутри. Она закричала, не сдерживаясь, и её тело сжалось вокруг него, пульсируя. Он продолжал двигаться, жёстко и ровно, пока она содрогалась, и только когда она обмякла на столе, совершенно обессиленная, он позволил себе ускориться. Несколько последних, резких толчков — и он вышел из неё, горячее семя пролилось на её поясницу и ягодицы. Он провёл пальцем по белой дорожке, размазывая её по коже, и наклонился к её уху.

— Это только начало.

А потом она проснулась.

Она лежала в своей постели в Гнезде, и сердце колотилось так, словно всё, что только что произошло, было настоящим. Простыня сбилась в комок, подушка оказалась на полу, а сама Элис была мокрой от пота — и не только от пота, как она с ужасом обнаружила, проведя рукой по внутренней стороне бедра. Она села, тяжело дыша, и несколько секунд просто смотрела в стену, пытаясь отделить сон от реальности. Сон. Это был сон. Всего лишь сон.

Но почему тогда губы всё ещё горели от его прикосновений? Почему низ живота всё ещё сводило сладкой судорогой? Почему она не могла выбросить из головы его голос — «ты моя, скажи это»? И — самое страшное — почему мысль о том, что это был всего лишь сон, вызывала у неё не облегчение, а глухое, ноющее разочарование?

Она встала с кровати и подошла к окну. За стеклом было серое октябрьское утро, и лес айронвудов стоял неподвижно, как армия, ожидающая приказа. Вороны кричали где-то вдалеке — резко, отрывисто, словно обсуждали между собой что-то важное. Элис прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Нужно взять себя в руки. Нужно забыть этот сон. Но она знала, что не сможет. И от этого было ещё страшнее.

Душ она принимала долго — стояла под струями, которые сначала были едва тёплыми, а потом стали откровенно ледяными, и ждала, когда тело перестанет помнить. Не перестало. Она всё ещё чувствовала его пальцы внутри себя — фантомное ощущение, которое не смывалось водой. Она тёрла кожу мочалкой до красноты, словно пыталась стереть невидимые следы, но следы были не снаружи. Они были внутри, в голове, в памяти, и вода против них была бессильна.

Она вытерлась, оделась, выпила остатки вчерашнего кофе, который предусмотрительно оставила на тумбочке, и вышла из комнаты. В коридоре было тихо. Она спустилась на первый этаж, миновала пустой вестибюль и вышла на улицу. Утро было промозглым, и туман ещё не рассеялся — он лежал на земле, густой и белёсый, скрывая траву и корни деревьев. Вороны сидели на карнизах, провожали её взглядами и перекрикивались между собой — резко, отрывисто.

У входа в главный корпус её ждала Айви с неизменным подносом.

— Ты сегодня рано, — сказала она, протягивая чашку.

— Плохо спала, — ответила Элис, беря кофе.

— Опять? Тебе нужно что-то с этим делать. Может, снотворное попросить у врача?

— Может быть.

Они сели на скамейку у входа — холодную, влажную от тумана, но другой не было. Айви болтала о том, что её отец наконец-то закончил инвентаризацию и теперь ругается с поставщиками, а Элис слушала вполуха и кивала в нужных местах. Айви спросила, как прошёл вчерашний визит в башню, и Элис ответила что-то про «ничего особенного» и «проверку документов». Айви не настаивала, но по её взгляду было видно: не поверила. Она вообще редко верила тому, что ей говорили, и это было одной из тех черт, которые Элис в ней ценила.

Первой парой сегодня была история искусств. Элис прошла в аудиторию, села на своё обычное место в третьем ряду и достала тетрадь. Профессор Кларк, сухонький старичок в очках с толстыми линзами, монотонно рассказывал о равеннских мозаиках, и его голос убаюкивал, как шум далёкого прибоя. Элис пыталась записывать, но мысли то и дело возвращались к сну. Она вспоминала его пальцы, его голос, его тяжесть. Вспоминала, как он сказал «хорошая девочка» — и как от этих слов внутри всё сжалось. Она ненавидела себя за эту реакцию. Ненавидела его за то, что он проник в её сны. Но больше всего она боялась, что сон повторится. И что в следующий раз она не захочет просыпаться.

После лекции она вышла в коридор и направилась к следующей аудитории, когда её окликнули. Она обернулась и увидела Артура. Он стоял у стены, прислонившись плечом к

холодному камню, и улыбался своей обычной улыбкой — открытой, располагающей, как будто они были старыми друзьями. Одет он был, как всегда, безупречно: тёмно-серый свитер, брюки со стрелками, кожаные ботинки, начищенные до зеркального блеска. Рядом с ним Элис в своей чуть великоватой форме чувствовала себя особенно неуклюжей.

— Привет, новенькая, — сказал он. — Как тебе история искусств? Профессор Кларк всё ещё рассказывает про византийские мозаики с таким видом, будто они ему лично насолили?

— Вроде того, — ответила она.

— Скука смертная. Не понимаю, зачем это вообще включили в программу. Хотя, может, просто чтобы студенты не расслаблялись.

Он отлепился от стены и пошёл рядом с ней по коридору. Элис вспомнила задание Дэймона — «войдите в доверие» — и заставила себя улыбнуться.

— Ты давно в Айронвуде? — спросила она.

— Третий год. Моя семья связана с этим местом почти так же давно, как Блэквуды. Почти — ключевое слово. Блэквуды всегда на шаг впереди. Но это пока.

— Пока?

— Ну, всё меняется, — он улыбнулся, но на этот раз улыбка вышла другой — более острой, как лезвие, которое на секунду показалось из-под бархата. — Ладно, не буду загружать тебя семейными дрязгами. Увидимся позже.

Он кивнул и ушёл — легко, пружинисто, как человек, который привык к тому, что мир стелется под его ноги. Элис проводила его взглядом и вдруг поняла, что он ей не нравится. Не так, как Дэймон — не холодом и не жестокостью, — а чем-то другим, скользким, ускользающим. Артур был обаятелен, да. Но за этим обаянием чувствовался расчёт, и расчёт этот был такого сорта, который не сулил ничего хорошего.

Обед она провела с Айви в столовой. Та сегодня была непривычно тихой — сказала, что устала от утренней беготни с инвентаризацией, — и Элис молча ела суп, думая о том, что вечером ей предстоит идти в библиотеку. Она решила начать собственное расследование прямо сегодня. Дэймон мог сколько угодно держать её на крючке с матерью, но правду об отце она собиралась найти сама.

После обеда она вернулась в Гнездо, переоделась и отправилась в библиотеку. В читальном зале было пусто — только несколько студентов сидели над книгами в дальних углах. Элис прошла к терминалу и вбила в поиск фамилию отца. Система задумалась на несколько секунд, потом выдала единственный результат: «Харт, Томас. Дело № 2187. Доступ ограничен». Она попробовала нажать — экран мигнул и показал сообщение: «Для доступа к данному файлу требуется разрешение администрации».

Элис откинулась на спинку стула. Доступ ограничен. Конечно. Чего она ожидала? Что Блэквуды оставят информацию о её отце в открытом доступе, чтобы любой первокурсник мог её прочитать?

Она выключила терминал и уже собиралась уходить, когда её взгляд упал на дверь в глубине читального зала — ту, что вела в архив. Элис колебалась не больше секунды, потом подошла и толкнула её. Дверь оказалась открыта.

Архив был маленьким, пыльным и явно редко посещаемым. Вдоль стен тянулись стеллажи с папками, на которых были указаны годы — от самых старых, начала века, до прошлогодних. Элис прошла вдоль стеллажей, ведя пальцем по корешкам, пока не нашла папку с годом ареста отца. Она вытащила её, открыла — списки персонала, распределение по комнатам, ведомости на зарплату. И вот оно: «Харт, Томас. Финансовый аудитор. Комната 214, восточное крыло».

Она замерла. Восточное крыло. То самое, которое закрыто уже второй год. То самое, о котором Айви говорила «не лезь, убьёт». То самое, где кто-то недавно смазал петли.

Она закрыла папку и поставила её на место. Сердце колотилось. Комната отца находилась в закрытом крыле. Значит, чтобы найти там что-то — если он вообще что-то оставил, — ей придётся туда проникнуть. Не сейчас. Сейчас она была к этому не готова — ни морально, ни физически. Но когда-нибудь. Когда она соберёт больше информации. Когда поймёт, как обойти охрану. Когда будет уверена, что игра стоит свеч.

Она вышла из архива и плотно закрыла за собой дверь. Теперь у неё была цель. Не та, которую навязал ей Дэймон. Её собственная.

Вечером, когда она уже лежала в кровати, глядя в потолок, в дверь постучали. Она подошла, открыла — на пороге стоял тот же парень из персонала, что и в первый раз. Он протянул ей конверт и ушёл, не сказав ни слова.

Внутри была записка: «Завтра. Восемь вечера. Первый доклад. Не опаздывайте. — Д. Б.»

Элис скомкала записку и бросила в корзину. Но даже после этого буквы продолжали гореть перед глазами — «Д. Б.», — и она знала, что уснёт сегодня не скоро.

Глава 5. Имя, которое нельзя называть

Дождь зарядил с самого утра — мелкий, противный, он висел в воздухе водяной пылью и оседал на всём: на каменных плитах двора, на голых ветвях айронвудов, на воротнике её пиджака. Элис шла через двор к главному корпусу, подняв воротник и стараясь не думать о том, что вечером ей предстояло подняться в Воронью башню с первым докладом. Мысли всё равно возвращались к этому — как стрелка компаса, которая всегда указывает на север, сколько её ни крути. А вместе с мыслями о докладе возвращалось и кое-что ещё — то, о чём она запретила себе думать сегодня утром, когда проснулась. Сон. Его пальцы. Его голос. Она тряхнула головой, отгоняя воспоминание, и ускорила шаг. Глупо. Это был просто сон. Тело иногда выдаёт реакции, которые ничего не значат, — она это знала, — а Блэквуд был последним человеком на земле, которого ей стоило бы хотеть. Шантажист. Манипулятор. Человек, который держит её на крючке и получает от этого удовольствие. Вот кем он был. Она не знала его достаточно, чтобы ненавидеть, но того, что уже увидела, было достаточно, чтобы отрезвить любые фантазии.

Первой парой была современная литература. Хейз вошла ровно в восемь, положила папку на кафедру и обвела аудиторию взглядом, который заставил замолчать даже тех, кто и так молчал. Сегодня она говорила о послевоенной поэзии — об Одене, о Томасе, о Дилане, — и её голос звучал глуше обычного, словно тема требовала от неё особой, почти ритуальной интонации. Элис слушала, записывала, но мысли её то и дело возвращались к открытию, сделанному в архиве. Комната 214. Восточное крыло. Как туда попасть? Когда? И главное — что она там найдёт?

Она и сама не знала, что именно рассчитывает обнаружить. Отец никогда не рассказывал ей о своей работе в Айронвуде — в те месяцы перед арестом он вообще говорил мало, всё больше молчал, глядя в одну точку. Она помнила только, как однажды он вернулся из академии позже обычного, сел на кухне и долго смотрел на свои руки, словно видел на них что-то, чего не было. Она спросила, что случилось. Он ответил: «Ничего. Просто устал». И больше не сказал ни слова. Теперь, вспоминая пожелтевшую папку, которую она держала в архиве, она думала: может быть, он солгал. Может быть, случилось что-то, о чём он не мог ей рассказать.

После лекции она задержалась у окна в коридоре, глядя на серую пелену за стеклом, и не сразу заметила, что рядом кто-то остановился. Она повернула голову и увидела Мару Стоун.

— Знаешь, что отличает тех, кто здесь выживает, от тех, кто нет? — произнесла Мара, глядя не на Элис, а на дождь за окном. Голос у неё был ровный, светский, как будто она обсуждала меню в столовой. — Умение не высовываться. Ты здесь новенькая, поэтому я дам тебе совет бесплатно: не привлекай внимания. Ни к кому. Ни к чему. Просто учись, ешь свой суп и не лезь в то, что тебя не касается.

Элис повернулась к ней. Мара перевела взгляд и улыбнулась — холодно, без тени дружелюбия.

— Я учту, — сказала Элис.

— Вот и умница. — Мара помолчала, разглядывая Элис, как разглядывают вещь, которую раздумывают купить или выбросить. — А если не учтёшь — что ж, я предупредила.

Она развернулась и пошла по коридору, и её каблуки застучали по каменному полу — резко, отрывисто. Элис проводила её взглядом. Мара не просто угрожала. Она предупреждала — и в её предупреждении звучало что-то почти личное.

В столовой она взяла поднос и села за свободный стол. Через минуту к ней подсела Айви — без подноса, просто со стаканом сока.

— Ты сегодня без кофе, — заметила Элис.

— Утро было безумное, — отмахнулась Айви. — Отец опять что-то чинил в подвале, я помогала. А кофе я уже выпила. — Она сделала глоток сока и покосилась на Элис. — У тебя всё в порядке?

— Всё нормально, — ответила Элис, помешивая суп. — Просто сегодня плохо спала и теперь пытаюсь дожить до вечера, не уснув на лекции. Если честно, получается так себе.

— Ну, до вечера ещё далеко, — Айви улыбнулась. — Если хочешь, могу прикрыть тебя на семинаре, скажу, что ты в библиотеке. Но имей в виду: спать на парах здесь не принято — могут и отчислить. Так что лучше всё-таки дожить.

— Спасибо за заботу, — сказала Элис.

Айви хмыкнула и больше ни о чём не спрашивала. Она вообще редко допрашивала — и за это Элис была ей благодарна.

После обеда она отправилась в библиотеку. Когда она вошла в читальный зал, Артур уже был там — сидел за дальним столом, листая какой-то толстый том в кожаном переплёте. Он поднял голову, заметил её и улыбнулся своей обычной улыбкой. Элис на секунду замерла, но тут же взяла себя в руки и прошла к свободному столу. Артур поднялся и направился к ней.

— Все новенькие либо в библиотеке, либо пытаются подружиться с кем-то из старших, — сказал он, садясь напротив без приглашения. — Ты, я смотрю, выбрала первый вариант. Неудивительно.

— Здесь тихо, — ответила Элис, закрывая учебник. — И никто не лезет с советами.

— Серьёзно? — Артур притворно удивился. — А я как раз хотел дать тебе совет. Бесплатный, без обязательств.

— Валяй.

— Не верь никому, кто говорит тебе, что знает, как здесь всё устроено. Особенно если этот кто-то — Блэквуд.

Элис постаралась, чтобы её лицо осталось неподвижным.

— Почему ты решил, что я с ним общаюсь?

— Я же говорил: у Блэквудов на всё есть свои люди. — Артур откинулся на спинку стула и посмотрел на неё с любопытством. — И когда новенькая, которая в первые же дни получила приглашение в Воронью башню, делает вид, что ничего не произошло, — это, знаешь ли, заметно. Ты не умеешь врать, Миллз. Это комплимент, кстати.

— Я не вру, — сказала Элис. — Просто не считаю нужным перед всеми отчитываться.

— Правильно. — Он кивнул. — И всё же — совет. Блэквуды не друзья. Они используют людей. Дэймон использует тебя. А когда перестанешь быть полезной — выбросит. Я видел это не раз.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты мне нравишься. — Он улыбнулся открыто, почти по-мальчишески. — И потому что, если ты вдруг узнаешь что-то интересное о Блэквудах и захочешь этим поделиться, — я всегда готов выслушать.

Он поднялся и, не прощаясь, вышел из зала. Элис проводила его взглядом. Артур тоже вербовал её. Только в отличие от Дэймона он делал это мягче — без угроз, без ультиматумов, с улыбкой и комплиментами. И от этого было ещё противнее. Она чувствовала себя костью, которую тянут в разные стороны две собаки, и ни одна из них не спрашивает, хочет ли она, чтобы её грызли.

В шестом часу вечера она вернулась в Гнездо, переоделась и села на кровать, глядя на часы. Около семи она вышла из комнаты, пересекла двор и подошла к Вороньей башне. Она толкнула дверь и начала подниматься по лестнице. Ступени были холодными и влажными, воздух пах камнем и чем-то ещё — едва уловимым, как запах старых книг.

Дверь кабинета была приоткрыта. Она постучала и вошла.

Дэймон стоял у камина, и в его руке был стакан с чем-то тёмным, похожим на виски. Он не обернулся, когда она вошла.

— Вы вовремя, мисс Миллз, — произнёс он. — Это радует.

— Я учла прошлое замечание, — ответила она.

Он хмыкнул — коротко, без улыбки — и повернулся. Теперь, когда между ними было всего несколько шагов, она могла разглядеть его лицо так близко, как не позволяла себе раньше. У него были резкие, словно высеченные из камня черты: высокий лоб, на который падали тёмные пряди, прямой нос с тонкой переносицей, чётко очерченные скулы и линия челюсти — резкая, но не грубая, как у человека, чья внешность была результатом не столько природы, сколько породы. Глаза — светло-серые, с холодным, металлическим отливом — смотрели прямо и не мигая, а тени под ними были едва заметными, словно он спал мало, но это его не старило, а лишь добавляло лицу глубины. Рот — с чёткими, почти скульптурными губами — был сжат в тонкую линию, но без напряжения, как у человека, который не привык тратить слова зря. Двигался он плавно, почти лениво, и в этой ленивой плавности было что-то от хищника, который знает, что жертва никуда не денется. Она заметила, как его пальцы обхватывают стакан, — длинные, с выступающими костяшками, те самые, что ей снились, — и

тут же отругала себя за то, что вообще это заметила. Это не имело значения. Он был её тюремщиком, а не мужчиной. И чем быстрее она перестанет путать эти две роли, тем лучше для неё.

— Рассказывайте, — сказал он.

Элис села на стул и выложила всё, что знала: разговор с Артуром в библиотеке, его слова о том, что Блэквуды используют людей, его предложение делиться информацией. Дэймон слушал молча, не перебивая, и его лицо осталось неподвижным, как маска.

— Это всё? — спросил он, когда она закончила.

— Да.

— Он вербует вас.

— Я поняла.

Дэймон отставил стакан и подошёл к столу. Он провёл пальцем по его краю — медленно, почти лениво, — а затем сдвинул в сторону стопку бумаг. Под ними, врезанный прямо в столешницу, открылся стеклянный ящик — муравьиная ферма, внутри которой кишели десятки крошечных, полупрозрачных насекомых. Они ползали по извилистым ходам, проделанным в песке, и вся конструкция была заключена в аккуратную деревянную раму, словно дорогой предмет интерьера.

— Знаете, что это? — спросил он, не глядя на неё.

— Муравьиная ферма, — ответила Элис.

— Фараоновы муравьи. Очень живучий вид. Если одного раздавить, остальные перестраивают маршрут и продолжают работать, как ни в чём не бывало. Они не мстят. Не скорбят. Просто адаптируются. — Он опустил палец в стеклянный ящик через маленькую откидную крышку, которую Элис раньше не заметила, и позволил одному из муравьёв заползти на кожу. — Но если раздавить не одного, а матку — колония погибает. Не сразу. Сначала они продолжают двигаться по инерции, выполняют свои функции, таскают еду. Но без центра всё это бессмысленно. Через неделю они умрут.

Он поднёс палец к огню свечи, стоявшей на столе. Муравей на его коже заметался, чувствуя жар, но не мог убежать — Дэймон держал его на месте едва заметным движением. Элис смотрела, как крошечное насекомое мечется, и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. Он не давил его. Он просто держал рядом с огнём, заставляя страдать.

— Вы понимаете, к чему я это рассказываю? — спросил он, наконец убирая палец от свечи. Муравей замер, оглушённый, но живой.

— Кажется, да, — сказала она. — Артур — всего лишь рабочий муравей. А вы хотите добраться до матки.

— Умница. — Он усмехнулся — холодно, без тени тепла, — и стряхнул муравья обратно в стеклянный ящик. — Артур опасен, пока существует колония. Но настоящая цель — не он. И

если вы вдруг решите, что можно ужалить ближайшего противника, не добравшись до центра, — вы проиграете. И я вместе с вами.

Он закрыл крышку и задвинул бумаги обратно.

— Пусть вербует, — продолжил он, возвращаясь к камину. — Это значит, что вы ему интересны. Теперь ваша задача — сделать так, чтобы интерес не угас. Будьте осторожны, не давайте ему ничего конкретного, но и не отталкивайте. Пусть думает, что вы колеблетесь.

— Я не колеблюсь, — сказала она.

— Вот и притворитесь, что колеблетесь. — Он стоял теперь совсем близко — так близко, что она чувствовала запах виски, запах дыма, запах дерева. Что-то внутри неё дрогнуло — не страх, а что-то другое, чему она не позволила оформиться в мысль. Она заставила себя вспомнить, зачем она здесь. Не ради него. Ради матери. Ради отца. Ради правды, которую он обещал и не дал. Этого было достаточно, чтобы выпрямить спину и посмотреть ему в глаза — ровно, без вызова, но и без трепета.

— И ещё одно, — произнёс он. — Я вижу, вы из тех, кто любит копаться в прошлом. Это опасная привычка. В Айронвуде она может стоить вам жизни. Поэтому я даю вам совет: не лезьте в то, что вас не касается. По крайней мере, пока я не разрешу.

Элис сжала зубы. Он говорил общими фразами, но каждая из них ощущалась как предупреждение, направленное лично ей.

— А теперь идите, — сказал он. — Следующий доклад — через два дня.

Она встала и пошла к двери, но у самого порога он произнёс:

— И кстати, мисс Харт. Хорошая работа. Продолжайте в том же духе.

Она замерла. Сердце сжалось, но она заставила себя не обернуться. Просто вышла, закрыв за собой дверь.

Лестница встретила её темнотой и холодом. Она спускалась медленно, чувствуя, как внутри что-то рушится — не страх, не надежда, а последняя иллюзия, за которую она цеплялась. Иллюзия, что она может остаться незамеченной. Иллюзия, что у неё есть секреты. Иллюзия, что она контролирует хоть что-то.

Ничего она не контролировала.

Она вышла из башни. Дождь наконец прекратился, но воздух оставался влажным и холодным, и лужи на каменных плитах двора отражали редкие огни в окнах. Она машинально подняла голову к главному корпусу — туда, где темнели окна восточного крыла, — и замерла.

В одном из окон горел свет.

Она стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд. Восточное крыло было закрыто и опечатано уже два года. Никто не мог там находиться. Никто не имел права. Но свет горел — ровный, жёлтый, как пламя свечи. А потом, пока она смотрела, он погас.

Глава 6. Под прицелом

Коридор шумел с раннего утра — кто-то переезжал, кто-то ронял вещи, кто-то смеялся так громко, что дребезжали стёкла в рамах. Элис проснулась за несколько минут до будильника и просто лежала, глядя в потолок и слушая этот хаос. Странно, но он её успокаивал. В Гнезде кипела жизнь — обычная, студенческая, не имеющая отношения ни к Блэквудам, ни к шпионским играм, ни к закрытым крыльям.

Она встала, скинула пижаму и шагнула в душевую кабинку. Вода пошла почти сразу горячая — впервые с момента её приезда бойлер расщедрился, и напор был ровным, сильным, без обычных перепадов. Элис прикрыла глаза и позволила теплу окутать плечи, спину, живот. Мышцы, которые она даже не замечала, начали расслабляться, отпуская напряжение последних дней.

Она провела ладонями по телу — по шее, по груди, по животу, — смывая не столько грязь, сколько усталость. Когда пальцы коснулись сосков, те сразу стали твёрдыми, и она задержала дыхание, медленно обводя их кругами. Внизу живота появилось уже знакомое тепло, и она позволила руке скользнуть ниже.

Пальцы раздвинули влажные складки и начали двигаться — сначала медленно, кругами. Она нашла заветный бугорок и принялась поглаживать его кончиками пальцев, то усиливая, то ослабляя нажим. Дыхание стало глубже, тяжелее. Она прислонилась спиной к прохладной плитке и шире развела бёдра, давая руке больше свободы.

Она погрузила палец внутрь — сначала один, затем второй, — и начала двигать ими в такт движениям другой руки. Мышцы сжались вокруг пальцев. Она двигала ими быстрее, глубже, чувствуя, как внутри нарастает тугая, пульсирующая волна. Каждое прикосновение к набухшей, пульсирующей точке отдавалось электрическим разрядом где-то в позвоночнике.

И в этот момент перед глазами возник он. Дэймон. Не размытый образ, а чёткий, резкий — его лицо, его глаза, смотрящие прямо и не мигая. Она попыталась отогнать его, сосредоточиться на физическом ощущении, на тепле воды, на движении собственных пальцев, но он возвращался. Вот он стоит у камина, и в его руке стакан с виски. Вот он поворачивается, и его губы сжаты в тонкую линию. Вот он подходит ближе, протягивает руку, кладёт ладонь ей на шею — не сжимает, но даёт почувствовать тяжесть, власть.

«Ты моя. Скажи это».

Оргазм накрыл её резко, почти болезненно — тело выгнулось, прижалось к плитке, мышцы внутри сжались вокруг пальцев в быстрой, неконтролируемой пульсации. Она закусила губу, чтобы не застонать вслух, чувствуя, как горячая волна прокатывается от живота к бёдрам, к груди, к горлу. Это длилось несколько секунд, а потом схлынуло, оставив после себя дрожь в ногах и звенящую пустоту.

Она стояла под струями воды, тяжело дыша, и чувствовала, как к горлу подступает стыд. Не за то, что она сделала. А за то, о ком она думала в этот момент.

Она выключила воду, вытерлась жёстким полотенцем, стараясь не встречаться с собой взглядом в зеркале.

Позже у лестницы наткнулась на Айви — та сидела на подоконнике, болтая ногами, и смотрела в телефон, улыбаясь уголками губ.

— Доброе утро, — сказала Элис.

— Утро как утро, — отозвалась Айви, не поднимая глаз. — Но я только что узнала, что профессор Грейвс, который ведёт историю архитектуры, в прошлом году случайно запер себя в аудитории и просидел там до полуночи, пока его не вызволил охранник. Говорят, он орал Шекспира в темноте, чтобы не бояться.

— Надеюсь, он выбрал что-то жизнеутверждающее. Представляю заголовок в местной газете: «Профессор истории архитектуры забыл о планировке и был спасён цитатой».

Айви наконец подняла глаза и усмехнулась.

— Мне отец рассказал. Он как раз был с тем охранником — они вместе шли по коридору, когда услышали крики. Говорит, Грейвс потом ещё неделю делал вид, что ничего не было.

— Классика. Отрицание — первый шаг к исцелению.

Они вместе спустились в столовую. Элис взяла поднос, поставила на него тарелку с овсянкой и взяла тост. Айви взяла себе то же самое и села напротив.

— Как вчера всё прошло? — спросила она, понижая голос. — В башне.

— Ты знаешь, что у Блэквуда муравьиная ферма встроена прямо в стол? — Элис помешала овсянку. — Он держал муравья над свечой и читал мне лекцию по социологии. Если это не способ произвести впечатление на новенькую, то я не знаю, что это было.

Айви фыркнула.

— И как, впечатлил?

— Почти. Но муравья было жалко.

— Ты уходишь от ответа, — заметила Айви.

— Я ухожу от ответа виртуозно, — согласилась Элис. — Но если серьёзно — всё нормально. Он просто любит демонстрировать власть. Муравьи, свечи, многозначительные паузы. Ничего, с чем бы я не справилась.

Айви покрутила ложку в пальцах.

— В общем, если что — ты знаешь, где меня найти. Если, конечно, Блэквуд не решит, что ты ему нужнее, чем мне.

— Буду иметь в виду, — сказала Элис. — Но, кажется, он пока не планирует меня съедать. Только пугать муравьями.

После завтрака Айви убежала помогать отцу, а Элис отправилась на лекцию. Первой парой сегодня была этика, и профессор Кларк, молодой человек с бородкой, самозабвенно рассуждал о моральном выборе, не замечая, что половина аудитории спит. Элис слушала вполуха, а мысли её были далеко.

Она думала о вчерашнем разговоре в башне, о муравьиной ферме, о том, как Дэймон держал муравья над свечой. И ещё она думала о том, что случилось сегодня в душе. О том, как её тело предало её, подсунув образ человека, которого она должна была ненавидеть.

После лекции она направилась в спортивный корпус. Ветер гнал по двору сухие листья, и они шуршали под ногами. У дверей её догнал Артур — засунул руки в карманы спортивной куртки и пошёл рядом.

— Я хочу понять, зачем тебе Блэквуд, — сказал он без предисловий.

— Я польщена, что мои социальные связи вызывают такой интерес, — ответила Элис. — Но, боюсь, ты тратишь время. Там нечего расследовать.

— Я видел, как ты снова шла к башне. Этого достаточно, чтобы задавать вопросы.

— Страх и интерес часто ходят парой. Ты, кажется, тоже не в восторге от Блэквудов, но всё ещё здесь.

Артур хмыкнул.

— Я здесь, потому что это моя война. А ты здесь при чём?

— Может, я просто любопытная, — сказала Элис. — Или у меня слабость к плохим компаниям. Выбирай версию, которая тебя устроит.

— Меня устроит та, в которой ты не врёшь.

— Тогда тебе придётся научиться жить с разочарованием.

Он посмотрел на неё с интересом.

— Ладно. Я не знаю, что у вас за дела. Но ты не похожа на человека, который пошёл бы к Дэймону без причины. А если причина есть — значит, она серьёзная. Я не лезу. Просто будь осторожна.

— Я тронута твоей заботой, — сказала Элис. — Но если ты хочешь мне помочь — расскажи то, чего я не знаю. Например, про парня, который пропал в прошлом году. Айви говорила, что он исчез после спора с Блэквудом. Что ты об этом знаешь?

Артур остановился. Оглянулся по сторонам — коридор был пуст.

— Его так и не нашли. Вообще. Ни тела, ни следов. Полиция ничего не доказала — у Блэквуда было железное алиби. Весь тот день он провёл на виду: встречался с преподавателями, обедал в столовой, его видели десятки людей. И всё равно парень исчез — как будто его стёрли из реальности, пока Блэквуд пил кофе. Но я знаю, что это он.

— Откуда?

— Потому что это не первый раз. Люди, которые переходят дорогу Блэквудам, исчезают. Всегда. У меня нет доказательств. Но я знаю. Я знаю о каждом его шаге. Мне докладывают. У меня есть...

Он осёкся. Слишком поздно. Слова уже вылетели, и Элис их услышала.

— У тебя есть информатор среди людей Блэквуда, — произнесла она. Это был не вопрос. Утверждение.

Артур выдохнул, покачал головой. На скулах заходили желваки.

— Забудь, что я сказал.

— Уже не забуду.

Он посмотрел на неё — долгим, оценивающим взглядом.

— Я сказал тебе больше, чем собирался. Теперь ты знаешь достаточно, чтобы либо помочь мне, либо погубить. Выбирай.

Он развернулся и пошёл прочь, не дожидаясь ответа.

Элис проводила его взглядом. Артур только что проболтался об информаторе. Это была не просто догадка, не сплетня — это было признание, случайное, но от этого не менее ценное. И теперь у неё было что предъявить Дэймону.

Она вернулась к этой мысли вечером, когда сидела в библиотеке над учебниками. Информатор. У Артура есть человек среди окружения Дэймона. Эта новость стоила того, чтобы прийти с ней в башню. И она придёт.

Она закрыла книгу и пошла к Гнезду.

Дверь в её комнату была приоткрыта.

Элис замерла. Она точно помнила, что запирала её утром. Ключ торчал в замке — её собственный, не чужой. Значит, дверь открыли не взломом. У кого-то был доступ.

Она медленно толкнула дверь и вошла. В комнате было тихо. Ничего не разбросано, ничего не перевёрнуто. Но на кровати, прямо в центре подушки, торчал нож.

Небольшой, с узким лезвием, он вошёл в ткань на несколько сантиметров и замер там, как предупреждение. Элис стояла и смотрела на него, чувствуя, как внутри всё холодеет. Это была не записка. Не конверт. Это был язык, который не требовал перевода.

Она не прикоснулась к ножу. Она попятилась, вышла в коридор и плотно закрыла дверь. Спать она сегодня будет в библиотеке. Или вообще не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.